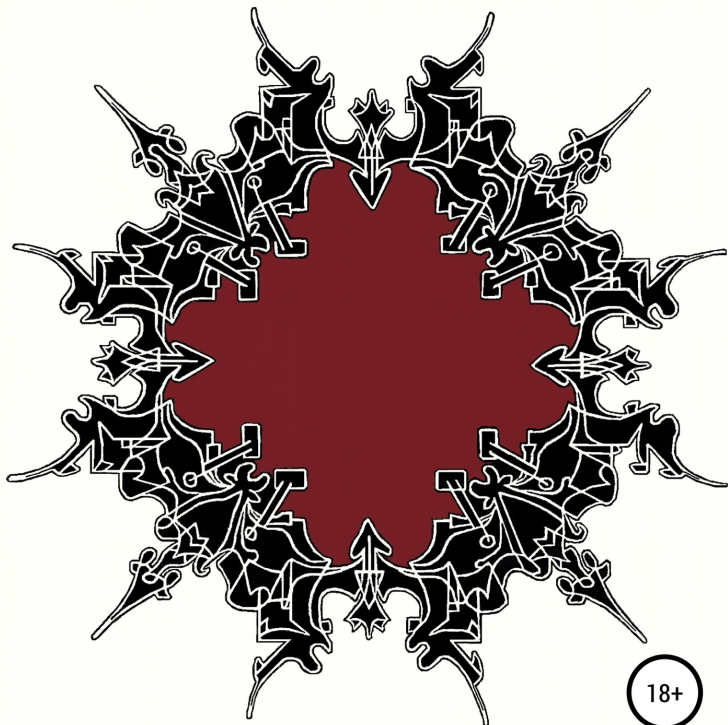

Алексин Л.А.

Диалоги руководства

*Философско-сатирические фантазии
в 23 фрагментах*

18+

Леонид Альбертович Алексин

Диалоги руководства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57431537

SelfPub; 2020

Аннотация

Читатель, который не знаком с Библией и творчеством М. Е. Салтыкова-Щедрина, хорошо сделает, если повременит читать этот труд прежде вышперечисленного. Автор никого ни к чему не призывает, кроме себя. Трезвость избавляет от безумия. Сатира, философия, гражданская и любовная лирика в духовном осмыслении христианской (и не только) направленности – так можно охарактеризовать содержание данной книги.

Действующие лица – мужчины разного возраста и телосложения, одетые одинаково.

Слева находится текст руководителя, справа – подчинённых,

в центре – авторские дополнения и речь тамады.

«Поход за грибами»

Весь мир наш – лес, в нём – множество даров:

Цветов, орехов, ягод и грибов.

Лес молодой не славится плодами –

Так мудрость разрастается с годами.

– Узнать, коллеги, вам не вредно,

Что там искать грибы потребно,

Где ранее они росли,

Вздымаясь к свету из земли;

А если вы того не знали,

Спросите – где их собирали?

И, кстати, честного ответа

Не ждите – верная примета.

В лесу гадюки опасайтесь,

Однако сильно не пугайтесь -

Пригрел я на груди своей

С десятков аспидов и змей -

И не мудры, и хладнокровны.

– За пастырем ступают овны.

– Когда за мною вы идёте,

То вряд ли для себя найдёте;
Фалангой встаньте, македонцы,
И ориентируйтесь по солнцу.
– Чтоб «солнце» зреть, не нужно неба!
– Льстецам не подаю я хлеба.
Подвижность языка уместна,
Когда великим мыслям тесно.
Вот гриб большой – весьма красив,
Внутри же он, увы, червив;
А те грибы, хоть неказисты,
Внутри, как вы, съедобно чисты.
– Быть может, просто не посмели
Явиться черви в скромном теле,
Гнушаясь трапезы такой?
– Они решили свой покой
Устроить в избранном жилище.
По сути все, кто дышат – пища.
Чтоб не способствовать беде,
Не нужно знать – что есть в еде.
«Черноголовик», «красный», «белый» -
Гордятся мякотию спелой;
А вы, коллеги, чем гордитесь?
На что вы, собственно, годитесь?
Своим нарядом и убором
Вы меркнете пред мухомором
И не сравниться вам осанкой

Пред самой бледною поганкой.
Чего набрали – всё негодно;
Останетесь, друзья, голодны.
– Душа от удивленья ахнет!
– «Хороший гриб съедобно пахнет» -
Вот истина, что нужно знать;
Но вы привыкли обонять
Лишь то, чем можно отравиться –
Всю Менделееву таблицу.
Как множил нам Господь хлеба,
Так вам я разделю грибы;
Кто дар мой тем же не умножит,
Тот голову напрасно сложит,
Моими брезгуя трудами.
А, ну-ка, сядьте-ка рядами.
Сколь груз велик изысканной морали,
Что сами те негодное набрали!
Подобны всякие земные изыскания
Корзин с десятков на хребте тасканию.
Вот сила знания и опыта фурор;
Когда их нет, то грибнику – позор.
В пустых корзинах чей вы груз несёте,
Когда, чего искали, не найдёте?
Всё то же – с рыболовством и охотой,
И всякою для сытости заботой.
Вот гриб, светилом опалённый.

– Ещё мертвей, чем царь сушёный!

– Великих мумии хранятся

И вам с такими – не равняться!

Не важно – сколь грибов найдём;

Пойдём мы завтра на приём

В покои царского дворца.

Сложнее в мире нет ларца,

Чем сей ковчег интриг и сплетен.

Об этом – во втором куплете.

– Позвольте тост произнести?

– Что? Вы посмели «принести»?

Тамада: «Любвеобильный, легендарный,

Мужчина важный, благодарный!

О нём скажу я без обмана –

Герой служебного романа!

Такое вряд ли где возможно –

Её он любит безнадёжно;

Ей посвящает все заботы;

Так любит он свою... работу!

Во имя счастья и добра

«Владыке» дружное: «Ура!»

Сверкают вилки и гремит посуда –

Вы трезвыми не выйдете отсюда!»

Во имя счастья и прогресса

Повелеваю гнать из леса:

И тамаду, и музыкантов,

И всяких там официантов!
Примите к сведению мнение -
Здесь не уместно опьянение;
Учую запах алкоголя -
Без содержания уволю!
Ступайте мягко, деликатно;
Грибы берёте вы бесплатно.
Кто гриб раздавит без причины,
Тот перестанет быть мужчиной
По веянию последней моды
Пред ликом матери-природы!
– Развили мысль Вы так тонко,
Что не задели б и «грибёнка»
Импровизацией высокой.
– Достойны участи жестокой,
Всегда слепые, сослуживцы.
Теперь запомните, ленивцы:
«Я покараю чьё-то тело,
Когда грехи всего отдела
Моей зарплатой искупятся».
Сего вам следует бояться -
Я виноватых разыщу
И брюки с оных опущу,
И повелю бодаться лбами.
Мы в лес явились за грибами
И если это не понятно -

Не все придут домой обратно.
Природу жертвою прославим -
Бухгалтера в лесу оставим.
Ах, нет его? Он не явился?
Какой награды лес лишился!
– Не столь мы здесь грибов набрали,
Сколь жизней мелких натоптали.
– Дела ничтожные запретны;
Вы станьте предо мной заметны,
Чтоб мой сапог не раздавил
Того, кто слишком мелким был.
– Мы жизнь такую заслужили
За то, что прежде нагрешили
И подчинённость – наш удел
За низость суетливых дел;
И, как заоблачный Парнас,
Свобода далека от нас.
Свободен только Бог один,
Он человекам – Господин,
Они же все Ему – рабы.
– Прошу вас собирать грибы.
Увидеть Бога невозможно,
А вот меня – совсем не сложно;
Здесь наклоняясь за грибом,
Я виден издали рабом;
С близи же выгляжу иначе;

Вплотную – не таков тем паче.
Я – господин ваш в мире этом!
Звезды моей теплом и светом
Имели вы питаться честь,
Но Бог один у всех нас есть
И Он не ходит на работу,
Однако ж всю Свою заботу
Над каждой тварью проявляет;
Себя искать повелевает.
Кто Богу может быть подобен? -
Кто на любовь к грибам способен.
Кому – к отеческим гробам,
А мне ж мила любовь к грибам!
Был райский сад грибами полон;
Им свыше путь был уготован
К тому, чтоб не везде расти.
Угодно было растрясти
Грибницу в северных лесах.
Звучит былина в голосах;
Ей – жить, пока земля живёт.
Былина «древнею» слывёт:
«В России, в роще неприметной
Корабль сел инопланетный -
И отдохнуть, и нужды справить;
Водю чистой бак заправить
(Вот то, о чём возможно ведать)

И, между прочим, отобедать.
С той трапезы пилотов тучной
Грибы расти и стали кучно».
Так род славянский среди иных
Отведал кушаний чудных
И в небо чаще прочих зрел,
И дольше многих не старел.
К иным народам те пилоты
Летали только для охоты
Весьма сомнительного свойства
Лишь для интимного геройства.
Россия, что грибною стала,
Им Родину напоминала
Своей возлюбленной планеты.
Словес иных в былине нету.
Так должно нам, друзья, кормиться
Сей легендарною грибницей
И Родиной своей гордиться!

***

«Перед царским приёмом»
– Поймает тот свою «Жар-птицу»,
Кто ниже прочих поклонится.
– Кто речь мою опережает,
Тот сам кошель свой уменьшает;
Стоять сему возле оркестра,
Где машет дланями маэстро,

Со свистом воздух рассекая,
Звучанье Гимна извлекая.
Для вас я только дирижёр!
Чего извлечь – минор, мажор? -
Монарх явил нам в партитуре;
Движением клавиатуры
Я модуляцию свершаю;
Об спины прытких сокрушаю
Смычки и жезл дирижёрский
За дерзость наглости позёрской.
Как царь войдёт – спешить не нужно,
Но кланяйтесь до пола дружно,
Когда я лично распластаюсь,
Монаршей обуви касаясь
Челом в слезах и с восклицаньем.
Того уволю с порицаньем,
Кто не коснётся лбом земли.
– Вот так, коллеги, мы б смогли
Унизить ведомства иные
За их деяния срамные!
Худа ли плоть, живот ли тучен? -
Хребет наш к этому приучен.
– Коль чья спина не так согнётся,
Тот завтра в нищете проснётся!
Когда же царь нас пригласит,
То мы пойдём, имея вид

Перед «врагами» столь надменный,
Сколь может лик иметь степенный.
Когда же этим насладимся,
То в лицах вдруг переменимся;
Покорность так изображая,
Как будто пред вратами рая
В одеждах белых мы предстали,
Узрев царя на пьедестале.
– Храня дворцовый этикет,
Мы рухнем, сокрушив паркет
Своими лбами перед троном
И эхо разнесётся звоном.
– На брюках швы трещать должны!
Все будем мы окружены
Глазами жадных конкурентов.
– Возможно, даже комплименты
Услышим мы из царских уст?
– Когда услышите вы хруст
Моей разогнутой спины,
То, и как прежде, вы должны
Священно, тихо трепетать;
Чтоб я мог кратко хлопотать
О нуждах наших без прикрас;
Что это, мол, в последний раз,
Карманы вывернув сначала;
И, чтобы речь моя звучала,

Как можно только постараться,
Должны вы хищно озираться,
Метая пламенные взоры,
Стыда не зная и позора!
Царя вопросы лично встречу
И, как сумею, так отвечу.
Я буду обещать такое,
Чего не ведомо судьбою,
Чтоб сразу было непонятно,
Но уху царскому приятно;
А вы же головой кивайте
И пол в молчанье созерцайте.
– Счастливыми да будут лица,
Когда велит нам удалиться
Монарх по милости своей.
– Тогда, не поднимая шей,
Легко и тихо удаляйтесь
И взоров гневных не пугайтесь,
К царю спиной не обращаясь,
Ни с кем из близких не прощаясь.
В сии монаршие покои
Я двери лично сам закрою.
Всё также, молча, мы пойдём;
И, если веру обретём,
Надеждой укрепив сердца,
То сами выйдем из дворца!

Играйте роль свою, как боги;
Иначе то, откуда ноги
Растут, познает: посрамленье,
Позор навеки, увольненье;
И я, как прежде, говорю:
«Мы все принадлежим царю».
– Сей церемонии свершенье
Есть чести нашей украшенье.
– Вот честь для «службы иерея» -
Стремиться к разуму скорее,
Иных восторгов отдаляясь,
Страданиям не удивляясь.
– Не к центру ль солнца мы стремимся?
Мы все ничуть не удивимся,
Узнав, что самый близкий круг
Для трона – фильтр царских слуг.
– Примером будет вам луна;
Светило близко, но она,
Законам Божиим послушна,
Пред солнцем... – нет, не равнодушна;
Но, зная свой предельный вес,
Не мыслит дерзости словес,
А служит честно и открыто
Тому, кто взял её в орбиту.
Так вас не царский вес влечёт,
А мой. – За то Вам и почёт.

– Не всякий может увеличить
Свой вес иль деньги обналичить
Из обязательств долговых
Держав ведущих мировых.
Большая чёрная дыра
Вмещает множество добра;
Средь дыр великих разность есть;
Крупнейшая приемлет честь,
Пульсирует и сим движеньем
Жизнь обновляется рожденьем.

– Всегда ли царь похвал достоин?

– Дворец по образу устроен
Структур небесных; все же мы
Имеем разные умы
Для службы вечному Закону -
Сей Сам надел Свою корону.
Царя ж возможно извинить,
Когда он честь силён хранить.
Отвратней в мире нет персоны,
Чем, отказавшийся от трона,
Потомок предков именитых,
Бурбонов, ныне позабытых.

– Талант имея пить да кушать,
Позволив Францию разрушить,
Погиб он – ну и что ж такого?
Нет в смерти ничего святого;

Войну бездарно проиграл?
Ну, он и был не генерал;
Семью безвинно загубил?
Ну, что ж поделаться, заслужил;
Кто опровергнет укоризну?
Быть может смерть его Отчизне
Хоть малой пользой послужила?
Увы, страна его влачила,
Возможно, самый худший груз.
Так кто же сей – святой иль трус?
Нам воскресят его когда?
– Скорей в год «страшного суда»,
Затем, чтобы сего «святого»
Не обезглавили бы снова.
– Людовик! Что ни говори,
А различаются цари.
В чём честь монарха состоит?
Ты не таков, позор и стыд,
Монаршей плоти хвост дрожащий!
Столь низок царь ненастоящий.
Христос царям не угождал,
Совсем иное утверждал.
Конец династии таков,
Что не хватает бранных слов.
Любовь к царю народ явил
И чуть ли ни боготворил,

Как то у них заведено.
Доподлинно обретено
Народом от своих «отцов»
Немало ссадин и рубцов,
Но за победы всё прощалось
И слава трону возвещалась
Из чистых преданных сердец.
Что ж создал сей монарх-отец?
Любовь царя к своей Отчизне
Чем проявилась в его жизни?
И отчего ж свои княжны
Царям вдруг стали не нужны?
Об этом значимом моменте
Расскажем в третьем вам фрагменте,
Заметив между прочим тонко,
Что разбитные амазонки
У нас в стране не прижились;
А доводы к тому нашлись
Не из мужского превосходства,
А из традиций благородства,
В которых каждый россиянин
От Бога вдохновеньем ранен.
Как то вообще могло случиться,
Чтобы немецкие девицы
Страной французской помыкали?
Но стихни, страсть, – на пьедестале

Порядок должный воцарился
И делом верным укрепился.
Уменьшатся страны мытарства,
Когда назначат ей лекарство -
Царя для подлинного царства.
***

«О жёнах»

Венеры статуей украшен календарь;
Увидев это, вздрогнул «государь».
– Мужи, взгляните, посудите сами -
Ни дать, ни взять безрукой даме!
Когда б Венера ни была красива,
То стать могла бы гербом коллектива.
В одном, коллеги, вы похожи с нею –
Врождённою безрукостью своею!
– Когда б лишилась ног, то чем и любоваться?
Кто сделать это мог – не сложно догадаться.
Богинь живых то явная проделка -
Знай своё место, красоты подделка!
И всё ж бездушная, как видим, каменюка
Милей подчас иной живой гадюки.
– Пред ликом царственной Венеры
Трепещут, молча, кавалеры;
И, безусловно, перед нею
Земные барышни бледнеют.
Все наши местные Дианы

Красы не кажут Тицианам,
А иноземные блудницы
Стремятся сами оголиться!
Встречая «прошлые ошибки»,
Мужи, не унижайтесь шибко;
Вздымайте страсти новой флаг;
Лишь время – женщин вечный враг;
Вы ж – не враги, а мотыльки,
Что к свету тащат кошельки!
Украшив жизнь молчаньем в спорах,
Мы об ином забудем скоро,
Увидев сердцем образ страстный.
– Постель есть трон Лилит ужасной!
От девы Ветхой к деве Новой
Не изменилось Мужа Слово.
– Коль «да» плюс «нет» есть «может быть» -
Мы жён обязаны любить,
Впрягаясь же в ярмо навеки,
Подняв при этом гордо веки.
Тамада: «Клянусь, подобно Геркулесу,
12 подвигов свершить;
Жену зарплатой рассмешить.
Придя с рыбалки иль из лесу,
Я буду трезвым – вот те крест!
Нарушу клятву? – под арест!
Клянусь, что твёрдою рукою

Хомут я сам себе надел;
Когда же кошелёк открою –
Забуду всё, чего хотел!
Клянусь любить и уважать,
Лелеять, холить, ублажать!
Когда уеду, то вернусь.
Клянёшься ли, жених? – клянусь!»
Мужчина с женщиной – взаимное лекарство,
От жизни сытой верный путь к мытарству.
Далёкой древности известный миф развенчан,
Что осрамились в шахматах мужчины против женщин.
Подсвечник – мужа и жены плетенье -
Воспламенится от взаимного хотенья,
Сверкая золотом, мерцаая серебром!
Кто не платил теплу добром,
Тот зло от холода получит
И практикой закон изучит.
Тамада: «Клянусь, что до седьмого пота
Загружен будет муж работой.
Стирать бельё и мыть посуду,
Конечно, муж опять же будет;
А если пискнет он несмело –
Получит он за это дело!
Оденусь я, как королева;
А если муж пойдёт «налево»,
То жизнь его тотчас прервётся;

И если мой супруг напьётся –
Клянусь я клизму раздобыть
И смело в дело применить!
Клянусь любимого супруга
В узде держать с большой натугой.
Клянусь любить и уважать,
Детей штук 10 нарожать;
От слов своих не отрекусь.
Клянись, невеста, же – клянусь!»
Лицо закона есть жена;
Свершает то, чего должна.
Что говорит закон? – Смиряться,
Терпи, старайся, подчиняйся;
Стяжая удовлетворенье,
В одном работай направленьи.
На то нужны мужские лица,
Чтоб жёны их могли гордиться.
– Известно – тот супруге рад,
Кто выбрал жизненный уклад,
Не помышляя об изменах,
Узнав за преступленье цену.
– Когда есть муж здоровый, трезвый;
Тогда жена стремится резво
Беречь такое положенье,
Даруя мужу ублаженье,
Поблажки мелкие прощая.

– Таков союз, он освещает
Порядок должный; мы же знаем,
Что много лишнего желаем.
Задумал кто жену менять? -
Такому надобно понять,
Что не из прихоти дорога;
Жена назначена от Бога
В заслуги или наказание
За мужа прежние деянья.
Кто о себе помыслил много,
Святых Писаний недотрога,
Желая похоти разврата,
Тот от жены узрит расплату.
– Несчастен, кто не понимает:
«Над мужем власть жена имеет,
А кто отвергнет сей порядок,
Тот перед Богом станет гадоком»;
Желая к лучшей устремиться,
Пред худшей женщиной смирится,
Постигнув мудрость в злых мученьях
За блуд, разврат и увлеченья.
Взгляни в лицо жены, несчастный!
Вот – лик твоей судьбы ужасной,
Поскольку ты засомневался
И неспособным оказался
Терпеть расплату за своё же.

– Когда в иные лона вхожи
Искатели иного счастья,
То сами скверные напасти
В копилку жизни собирают;
А после – плачут, раздирают
Свои одежды, негодуя -
За что судьбу послал такую
Им в жизни суетной Господь?
– Сквернили дух, сквернили плоть
И душу получили в тело
Для жизни низкого удела.
Чтоб темы этой верно отстраниться,
В сюжете далее поведают страницы,
Чем удивили слуг герои в зоосаде!
Когда б служили мы в «Ми-6» или в «Моссаде»,
То за рассказ об этом нас бы наградили;
Хвала Создателю (туда нас не пустили)!
Так сущность мужа знать должна:
«Судьбе равняется жена».
– Кто бедностью не сильно связан -
Жениться вовремя обязан.
Тускнеет чаша без вина.
Не дрогнет женская спина,
Влача имущество с развода.
«Счастливец» же, познав «свободу»,
Восторг и счастье обретя,

Пред небом пляшет, как дитя,
Как пред ковчегом царь Давид.
Сколь удручён бывает вид
Мужей, теряющих владенья
От уз семейных расторженья.
Богатым не был сей несчастный,
Вступивший в этот бой опасный;
Лелеял денежку свою -
То приобрёл штаны в бою,
Лишив противника кальсон;
То для влиятельных персон
«Слова хвалебные» строчил;
То вдруг наследство получил.
А вот теперь жене отдай-ка,
Пустых карманов балалайка,
Именья своего излишки;
Ступай и зашивай штанишки!
Вот с женщиною суть знакомства -
Пустых карманов пустозвонство.
Кто без жены был в путь отправлен,
Тот должен быть с женой доставлен
В Дом Отчий, прежний дом покинув.
Сын блудный, всё ли ты отринув,
К Отцу пришёл с женой своею?
Пожнёт жена, что муж посеет.
Пусть в доме муж живёт с женою,

Как в теле дух поёт с одною
Душой, соединив уста
Для чадородия Христа.
Лишь та душа Его родит,
Кто мужа-духа наградит
Признаньем брачного союза
Лишь с ним одним, отвергнув узы
«Мужей» из внешнего пространства.
Невесты чистое убранство
Узрит лишь подлинный супруг.
Дух и душа касаньем рук
Откроют двери в новый мир
И созовут на брачный пир
Себе подобных в чистом теле;
И да поможет в этом деле,
В котором мелочи важны,
Им Тот, Кого родить должны
Молитвы Мужа и Жены.

***

«В зоопарке»

– Могли б в молчанье мы пойти
И мудрость подлинно найти;
А перед клетками иными,
Взирая лицами больными,
Немного долее стоять
И суть проблемы созерцать.

Когда б молчанье кто нарушил,
То на безумца б я обрушил
Всю тяжесть своего портфеля,
Чтоб излечился сей «емеля»
Лекарством верным, прикусив
Язык поганый – сей ретив
Враньё рядить чужой одеждой.
Всегда лишь я вещаю прежде,
А после слов моих – «валяйте»,
Трясите воздух, размышляйте.
– Иным позволено дерзить.
– Вольерам пустотой сквозить
Негоже в крупном зоопарке.
Уместно принимать подарки
Внутри лишь клетки находясь;
На это будут, веселясь,
Взирать, ликуя, журналисты.
Есть среди нас, коллеги, глисты;
Не должно оным в теле быть;
Намерен их я раздобыть
Сегодня, натянув перчатки;
Сие – лечения начатки.
Вы сокрушались службой нудной,
Всегда однообразно трудной;
Так будет вам для размышлений
Лукошко новых впечатлений!

Уверен – от сего лекарства
Изыдет низкое коварство.
Сегодня зоопарк пополним,
Коль о, потерянных, не вспомним
Немалых средствах из бюджета;
Сияет золотом манжета
У каждого из слуг моих
Близ циферблатов дорогих.
Собралась пресса у дверей,
Чтоб новых лицезреть «зверей» -
Во всей вселенной будут знать
Кому подобна наша знать.
Открою вам, коллеги, тайну –
Сюда пришли мы не случайно;
Сужденья ваши столь известны,
Что мне предвиделось прелестно
Их уподобить скотским нравам.
– Владыка! Это ваше право.
Вы год назад в банкетном зале,
Орлу подобно, воссияли,
Терзая заячью душонку;
Столь изумительно и тонко
Сверкнула мудрость руководства.
– Открылось дела производство,
Когда меня вы напоили
И тайны помыслы открыли

Моих не лучших вожделений,
Скрывавших низость побуждений.
– Явите силу, о, светило,
Подобно льву иль крокодилу!
Где баснописец, что доселе
Изображал в зверином теле
Коллег взаимоотношенья?
К чему нам жарких шкур ношенья?
– Приелись возле пьедестала:
Хорьки, лисицы и шакалы;
Но есть и новые игрушки,
Смешные, право, завирушки:
Вот среди нас есть боброзайка
(Чего угодно попрошайка),
Вот остролицый тупорыл
(Вчера он дверь лицом открыл),
Вот саблезубый мотылёк
(Сей от реальности далёк)
И мокрохвостый друг-тушканчик,
И шестикрылый хряк-кабанчик,
И кривозадая хавронья
(Одеколону благовонья).
Примите, звери, извиненье
За это гнусное сравненье.
Наш хищник, жертвою питаюсь,
Живёт, судьбины опасаясь.

– Животным Вас назвать не смеем,
Но аллегория лелеем,
В которой хищник тем ужасен,
Что слишком добр и прекрасен.

– Не ждите пред голодным зверем,
Что словесам мы льстивым верим;

И, коль кого я укушу,
То лживы басни сокрушу
Резцами праведного гнева.

Хоть будьте справа, будьте слева –
Клыков моих не избежать.

– Конечно, должно нам дрожать,
Питаясь пищей травоядной.

Позвольте ж рюмкою прохладной
Ваш хищный голод утолить,

Позвольте же и нам налить
Для примирения природы
И улучшения породы.

Тамада: Прошу отвлечься от прекрасных угощений
И требую открыть для укрощений

Напитки, что покрепче будут сладкого вина –
Шампанского, что выпито до дна.

Итак, мужчины, водочку открыли?

Прекрасных дам вокруг себя вы не забыли?

Из тех же форм, но с новым содержанием

Мы воздаём с особенным старанием

Всё лучшее, что в жизни будет им!
Совет с любовью! «Горько» молодым!
Вскипает страстью лоно наше,
Увидев продвиженье Ваше.
По зову страстному сердец
Вы – наш единственный самец,
А мы, обхоженные львицы,
Должны в объятия к Вам стремиться,
Чтоб день от дня, из года в год
Был улучшаем наш народ!
– Того теперь от премии прощаю,
Кто конспектирует не то, что я вещаю.
Сколь вы часов изволите трудиться?
Сей цифре ныне должно измениться.
«Всё – новодел, нет древнего ни капли!» -
Вещают жабы возле клюва цапли.
Себе вы по-медвежьи услужили,
Когда спиртного выпить предложили.
Дабы бороться с этим гнусным ритуалом,
Придётся мне теперь сверкнуть оскалом.
– Печально то, что Вы вложили в уши;
Быть может цапля пощадит лягушек?
– Чтоб не скрестил я вас прилюдно с павианом,
Должны вы, хоть слегка, владеть баяном;
Кто песни русской резво не исполнит,
Тот о словах моих однажды вспомнит.

Тарзан – не кто иной, как заместитель,
Которого сослал руководитель
На край своей Отчизны близ Европы;
Там жил Тарзан среди зарослей укропа.
Вот меж великих – гнусная промежность!
Начхать мне, господа, на вашу внешность;
Да и внутри – лишь «мерзость запустенья»,
На коем чахнет всякое растенье.
Вот суть окраины стоит спиною к нам;
Швырните шведский флаг к её ногам -
Был для Мазепы оный сладостней сиропа;
Стыдись своих приспешников, Европа!
Пока хавронья к нам стоит спиною,
Подайте краски мне баллончик с хною;
Я напишу «тарзанский лозунг» под хвостом -
Два слова лжи на языке пустом.
А вот и мы – ну, здравствуй, косолапый!
Кто ж разместил тебя бок о бок с «папой»?
От длинноухого, упрямого соседства
Да не впадём мы ныне снова в детство.
А вот и ты, наш друг заокеанский;
Подать банан для сути протестантской.
– Не кажется ли Вам, что стало жарко?
– Пить водку на жаре и в зоопарке
В сем мире человек не должен всяко.
Как смеешь ты дразнить меня, макака!

Да, было бы сие потешно,
Когда б ни спёртый воздух здешний
Да исполненье на баяне!

Отправлю я героев в баню
В сюжете пятого фрагмента,
Чтобы отмыли «экскременты».

– Наскучили мне ваши речи,
Дерзайте жить по-человечьи.

Взгляните на сего верблюда;
За постоянство он повсюду

По праву громко восхваляем.

– С чем мы его и поздравляем!

– С ним я б судьбою поменялся

И «солнца» б в небе не боялся,

И пыльной бури не страшился,

И среди вас не копошился.

Питалось сочною травую

Всё сотворённое живое,

Воду чистой запивая.

Начало это забывая,

Животный мир наш мозаичный

Ленивым стал; обед привычный

Для чаек говорливых стаи

Стал безобразно составляем

Из недр мусорных бачков,

А не из рыбы и рачков.

Нам отвечать за то придётся,
Когда едим, что попадётся.
Есть опыт старцев, прыть молодых.
Поправит нас в делах кривых
«Трансформер» из существ живых.

***

«В бане»

– Зверьём костюмы пропитались,
Что аж шофёры озирались,
Не веря собственным носам.
– Всхлопочет тот по мордасам,
Кто сможет сам себе позволить
Вперёд начальника глаголить!
Последний раз прощаю глупость,
Ушей немых тугоухость.
Без листьев веник для того,
Кто не умножит своего
Имения под моим контролем.
– Дышать такому не позволим!
– Вчера распределил я гранты,
Как в притче Господин – таланты
Среди рабов; не будет рад
Тот, кто вернёт Отчизне вклад
Без прибыли. – И чем заплатит?
– Доверие моё утратит.
Прошу вас, распрямите спины,

В костюмах также мы едины.
Итак, коллеги, мы похожи.
Все в этот мир нагими вхожи.
Вы – инвалиды иль мужчины?
Скрывали дряблые морщины
Костюмы модного покроя?
Что скрыто было, то открою -
Позор и стыд всему отделу!
Кормить, поить такое тело
Есть грех великий пред столицей!
Не нравятся мне ваши лица.
Фигурой хлипкой, рожей кислой
И грудью, складками обвислой
Отвратно Родине служить!
Конец намерен положить
Я ожиренью телесам;
Тому подвержен, кстати, сам
От созерцания коллег:
Хромых, убогих и калек.
Я баню эту сам построил
И содержание удвоил
Для кочегара печки жаркой.
Познайте, что в делах запарка,
Имея мудрое значенье,
Предшествует разоблачению.
– Разделись мы по доброй воле,

Не видя истинную долю.

– Познайте ад, чтоб в рай стремиться.

В мученьях должно вам умыться,

Чтоб видеть, слышать, разуместь

И в чистом теле дух иметь,

Способный к подвигам труда.

Чтоб не коснулась вас беда,

Я укажу вам путь отрадный;

Прошу за мной – в бассейн прохладный.

– Так резко охлаждает пыл

Судьба того, кто жарким был.

– Не по делам я с вами дружен

И страх без пользы мне не нужен.

Кто гладит против роста шерсть?

Всему на свете мера есть

За исключением добра;

Оно есть белая дыра;

О нём болтают слишком много,

Не мысля поискать дорогу.

Скажите мне – кем надо быть,

Чтоб безответно тех любить,

Кто близок нам? Такой Один -

Спасенья многих Властелин.

Иные ж, хоть и чем хвалятся,

Ему в подмётки не годятся.

Я вам – «отец» и кровь родная!

Живёте вы, хлопот не зная,
Не размышляя о затратах
На ваши пышные зарплаты.
– Коль Вы «отец», то мать – карьера.
Мы живы силою примера.
– Для укрепления союза
Должны быть родственными узы.
Я – сгусток сей большой грибницы;
Лишь вместе можем сохраниться.
– Таков союз для нас прекрасен,
Когда устав предельно ясен.
Грибник, чтоб крупный гриб сорвать,
Всех мелких может потоптать.
– Устав подпишите, не глядя;
Ведь я, всеобщей пользы ради,
Торгуюсь образом жестоким
На «поле брани» одиноким.
Не вижу я умом своим
Преемника делам моим.
Нагими вы пред мной стоите,
А продвиженья не хотите.
– Столы накрыты, взоры блещут
И сладостно сердца трепещут,
Желая прелестей вкусить
И стол шампанским оросить.
– Пред старостью моих седин

Не признаю игристых вин.
Тамада: «Товарищи! Среди коллег
Есть очень редкий человек –
Вина не пьёт и даже пива,
Но говорит он так красиво,
Что можно трезвости лишиться
И в чувствах к небу устремиться!»
Кто повторит ошибку Ноя,
Тот скроет пенсией нагое
И кто желает напиваться -
Познает тяжесть конфискации.
– Подайте русское питьё,
Чтобы продлить своё житьё,
В котором шеф не покалечит.
– Да! Пусть никто мне не перечит,
Но возражает рифмой точной
По сути дела правомочно.
– Содвинем чаши! Звоном этим
Мы новый день весельем встретим,
Приняв правления бразды
Во свете «утренней звезды»!
– «Звездой утренней» один лишь именован,
Он чистотою высшей коронован!
Начну вам ноги мыть с намерений сердечных.
Лишь тот, кто замысел имеет безупречный -
Словами чист и не дерзнёт язвить;

И свежестью сумеет удивить
Духовный нос святого обонянья.
Вы предо мной должны своё вниманье
Высоким мыслям прежде уделить;
И также я намерен удивить
Того, кто плоть лишь бережёт от блуда;
Тому я ноги мыть до сердца буду,
Найдя его запачканным с подошвы!
Духовный блуд – и нынешний, и прошлый
Суть грязь, что лишь огонь смывает;
Но чистота, которой Бог желает,
Сложна для многих простотой своею -
Пред Богом чистый и желать не смеет:
Командовать, повелевать, владеть,
Не заработав, лишнее хотеть.
В телесном мире, коим грезим править,
Чего имеем, то должны оставить
Уже теперь хотя бы на мгновенье
И пожелать от Бога то своё именьё,
Для управления которым сил довольно.
– Вот чистота первопрестольной
Для Сына Божьего Невесты.
Вернёмся мы в родное место,
Чтоб содержать его и править,
И Виноград Вином прославить.
Тамада: «Друзья! Скажите – что вы пьёте?»

Я – «Дионис», что мне нальёте?
Меня спустили сверху вниз,
Чтоб трезвым не был «Дионис»,
Но пьяным, чтобы не был тоже –
Рождённый пить, владеть не может!
Пусть в мире царствует одно
Хмельное бодрое вино!»
Чтоб не проснуться нам в аду,
Отправьте в отпуск тамаду!
– Сей – трезвенник, не выпивоха.
Отправлен будет к скомороху
В шестом куплете для беседы.
От встречи той родятся беды
Для неких щёголей столицы.
Так верность формы не стыдится.
Кто б в грязи жемчуг опустил,
Как то апокриф возвестил,
То жемчуг менее не станет
Быть драгоценным – также манит;
Но сколь не чисти хвост хавроньи,
Сей не избавить от зловонья.
Апостол Павел с разъясненьем
Нам говорил о дерзновенье
И так понять мы то должны,
Что мысли новые важны
Не с тем, чтоб о себе мечтать;

Но чтобы ветхое читать
Со смыслом новым и духовным
В противовес мечтам греховным
О власти плотской, коей князь
Немытых дразнит веселясь!
Никто не может чисто жить,
Быть добрым и не согрешить,
Но это подлинно не значит,
Что ставится грешить задача!
Скажу я: «Господи, прости!
Иль плотских нам свиней пасти,
Иль дело Божие уважить -
Найти особенную пажить
Духовным овцам с водопоем,
Где встретим «всех по паре» с Ноем,
Ходящих по иной воде;
И многих, что на высоте
Сияют в должной чистоте».

***

«Тамада и скоморох»
Кто злодейством крупно плох? –
Верно будет скоморох;
Славен мелкой кто бедою? –
Может стать лишь тамадою.
Был предшественник у босса;
Важные решал вопросы,

Но однажды провинился
И за раз всего лишился;
Телом был здоров, как бык!
Вот – ученье для владык –
Царь велел сего пройдоху
Обрядить, как скомороха,
Должность воскресив былую.
Муза нас таким балует,
Что прилично извиняться
И стихов своих стесняться.
– Переесть слегка гороха –
Вот оружие скомороха;
Потому не спорит всякий
С одной злобною кривлякой!
Звон бубенчиков моих
Паче славных и литых
Мог звучать колоколов
Для внимательных голов.
Что хочу, то вытворяю:
Именитых выдворяю,
Корчу рожи и гримасы.
– Не далече пустопляса
Вы, коллега, груз несёте.
Мой же труд теперь в почёте
Из господского приказа:
«Должно от дурного сглаза

Рот тогда лишь открывать,
Когда будут наливать
Иль в словах персон высоких,
Смыслом подлинно глубоких,
Рассуждать об алкоголе».

– Право, есть в господской воле
Блеск величия и шарма!
Кушаем, поди, задарма?
– Да и более того –
Из достатка своего
Властелин даёт мне денег -
Посему язык, как веник
Подчищает речь от скуки.

– Вот судьба: Вам карты в руки,
Мне же шутовской колпак.
Сам ли тешится дурак
Иль «народных слуг» смешит –
Всяко он всегда грешит.

– Я учился Вашей речи;
Всяк поэт от вас далече
И приблизиться не смеет.

– Красноречие немеет,
Если вспомнить жизнь былую,
Знатную и удалую.
Боги стёрли моё имя
И, метнув с огня в полымя,

Посмеялись над служакой,
Нарядив его макакой.
Был визирь я или ферзь;
Предо мной склонялись в персть;
Сдал меня отец кассира
В когти ревизоров «Сира» –
Потерял, чего искал;
Ныне – знатный зубоскал.
Нет язвительнее твари,
Чем лицо змеиной хари;
А пред мною та – игрушка,
Дел полезных завитушка.
Я ж, с шипеньем изгибаясь,
Над «бояром» измываюсь;
Меньший чин мне скучноват;
Всяк вельможа виноват!
Жадность плоти я караю.
Мимо моего сарая
Чин боярский промелькнуть
Поспешает, стиснув грудь;
Я ж за ним: «Постой-ка, дрянь!»
Ты куда в такую рань
Царский сон тревожить смеешь?
Пожалеешь, похудеешь!
Я твой жир порастрясу;
Гнать боярскую лису,

Чтоб сверкали лисьи пятки,
Повелю зловонной тряпкой,
Коль «хайло» твоё нахально
Встречу пред опочивальней
Господина всей страны!
Снять с боярина штаны
И в крапиву посадить -
Не забудет, как блудить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.